Дата поступления рукописи в редакцию: 19.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-58-62

БАРКОВ Константин Борисович,
аспирант по направлению подготовки
частно-правовые (цивилистические) науки,
кафедра Юриспруденции
Российский Университет Кооперации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: barkov@resurspravo.ru

ВЛАДЕЛЕЦ ФРАНШИЗЫ КАК КОНТРОЛИРУЮЩЕЕ ДОЛЖНИКА ЛИЦО: ГРАНЬ МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ РЕПУТАЦИИ СЕТИ И ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ БАНКРОТНОЙ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена компаративистскому и доктринальному анализу проблемы квалификации владельца франшизы в качестве контролирующего должника лица при банкротстве пользователя. Разграничиваются законные меры защиты репутации бренд-сети и неправомерное операционное вмешательство, способное повлечь субсидиарную ответственность. На основе положений главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также специфического нормативного массива Индонезии (Постановление Правительства № 42/2007) и Малайзии (Закон о франчайзинге 1998 г.) выявляются тенденции судебной практики. Автором доказано, что разграничение контроля качества и управления операциями требует комплексной оценки эквивалентности договорных условий. В работе предложены правовые критерии защиты сетевых институтов от неправомерных субсидиарных притязаний.

Ключевые слова: коммерческая концессия, франчайзинг, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, банкротство, репутация сети, Индонезия, Малайзия, сравнительное правоведение, субординация требований.

BARKOV Konstantin Borisovich,
Graduate student,
Specialization in Private Law (Civilistic) Sciences.
Faculty of Jurisprudence,
Russian University of Cooperation,
Moscow, Russian Federation

THE FRANCHISEE AS A PERSON CONTROLLING THE DEBTOR: THE LINE BETWEEN PROTECTING THE NETWORK'S REPUTATION AND GROUNDS FOR SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY

Annotation. The article is devoted to a comparative and doctrinal analysis of the problem of qualifying a franchise owner as a person controlling a debtor in franchisee bankruptcy. A distinction is drawn between legitimate measures to protect network reputation and unlawful operational interference capable of entailing subsidiary liability. Based on the provisions of Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)», as well as the specific regulatory framework of Indonesia (Government Regulation No. 42/2007) and Malaysia (Franchise Act 1998), trends in judicial practice are identified. The author proves that distinguishing quality control from operational management requires a comprehensive assessment of the equivalence of contractual terms. The paper proposes legal criteria for protecting network structures from unjustified subsidiary claims.

Key words: commercial concession, franchising, person controlling the debtor, subsidiary liability, bankruptcy, network reputation, Indonesia, Malaysia, comparative law, subordination of claims.

Динамика современного предпринимательского оборота характеризуется усложнением организационных форм взаимодействия субъектов хозяйствования. Модель франчайзинга, получившая нормативное закрепление в главе 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) под институтом коммерческой концессии, выступает основой сетевого распределения

товаров и услуг [1]. Норма статьи 1027 названного Кодекса прямо обязывает правообладателя предоставлять пользователю комплекс исключительных прав. Однако экономическое бытие сетевой конструкции неизбежно порождает дуализм юридической природы отношений. С одной стороны, правообладатель стремится жестко регламентировать стандарты обслуживания, дизайн помещения, правила работы с персоналом и ценообразование. С другой стороны, пользователь формально сохраняет статус независимого юридического лица или индивидуального предпринимателя, несущего самостоятельно коммерческие риски.

Неплатежеспособность локального пользователя влечет за собой столкновение интересов кредиторов и владельца коммерческого обозначения. Законодательство о несостоятельности стремится расширить круг лиц, за счет имущества которых возможно удовлетворение требований конкурсных кредиторов. Статья 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» квалифицирует в качестве контролирующего должника лица физическое или юридическое лицо, имевшее право давать обязательные для исполнения должником указания. Возникает правовой конфликт. Защита деловой репутации товарного знака, предписываемая статьей 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации, при определенных обстоятельствах трактуется конкурсными управляющими как полное подавление операционной самостоятельности франчайзи.

Граница между легитимным договорным контролем и директивным управлением остаётся предметом острых научных дискуссий. В западной юриспруденции сходная проблематика исследуется сквозь призму концепции «расщепленной экономики». A. Elmore подробно разбирает, как крупные правообладатели через жесткие стандарты фактически управляют трудом и операционной деятельностью пользователей, перекладывая одновременно финансовые и банкротные риски на локальных партнеров [2]. Автор доказывает необходимость пересмотра традиционных иммунитетов правообладателя, когда степень проникновения в текущие бизнес-процессы превышает задачи простой охраны нематериального актива.

Применение стандартов защиты бренда рискует трансформироваться в основание субсидиарной ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве. Практика арбитражных судов сталкивается с трудностью квалификации намерений правообладателя. Категорический запрет на смену поставщиков сырья, установление монопольно высоких цен за софт и принудительное участие в убыточных маркетинговых акциях образуют признаки прямого причинения вреда кредиторам. В подобных кейсах правообладатель из хранителя стандартов качества превращается в теневого руководителя, определяющего финансовую судьбу должника.

Полагаем, что квалификация правообладателя в качестве контролирующего лица требует установить факт выхода субординации за рамки предметного поля договора коммерческой концессии. Если предписания франчайзера касались исключительно визуального оформления, рецептуры или стандартов сервиса, имущественная ответственность за финансовый крах пользователя наступать не должна. Законодатель в статье 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации заложил идею нормативного контроля качества, которую нельзя отождествлять с изъятием управленческих полномочий у исполнительного органа франчайзи.

Интересный компаративистский материал предоставляет правовой порядок Индонезии, где франчайзинг регулируется специализированным Постановлением Правительства № 42 от 2007 года (PP No. 42/2007) и нормами Гражданского кодекса Индонезии (Kitab Undang-Undang Hukum Perdata). F. Kristianto, F. Gracia указывают, что индонезийское законодательство рассматривает франчайзинг как особую форму партнерства, требующую обязательной регистрации договора в Министерстве торговли [3]. Индонезийский регулятор прямо предписывает правообладателю оказывать непрерывное содействие и проводить обучение пользователя. Однако указанное содействие не должно перерастать в прямое распоряжение имуществом франчайзи, иначе соглашение теряет признаки концессии и подпадает под квалификацию юридического единства.

Изучение индонезийской правовой доктрины показывает глубокую проработку баланса интересов сторон. M. Pohan подчеркивает, что гражданское право Индонезии защищает слабого контрагента — пользователя, запрещая франчайзеру навязывать заведомо кабальные финансовые условия [4]. Индонезийские суды при квалификации несостоятельности франчайзи оценивают, насколько жесткими были предписания головной компании. Если банкротство вызвано нерыночными ставками роялти или принудительными закупками оборудования у связанных лиц, индонезийская правовая система допускает привлечение правообладателя к солидарному возмещению убытков перед третьими лицами.

Сравнивая индонезийский опыт с отечественным правоприменением, видится ключевое различие в способах нормативной фиксации границ контроля. В России правовое регулирование опирается на общие банкротные институты контролирующего должника лица и статьи 61.10–61.12 Закона о банкротстве. Индонезия же делает акцент на публично-правовых ограничениях еще на стадии регистрации франшизы. Отсутствие специального закона о франчайзинге в РФ вынуждает арбитражные суды самостоятельно конструировать тесты фактического контроля

при банкротстве сетевых участников.

Считаем, что внедрение публично-правовой фильтрации условий концессионных договоров по примеру Индонезии могло бы существенно снизить риски последующих банкротных споров в России. Если договор коммерческой концессии прошел государственную регистрацию в Роспатенте в соответствии со статьей 1028 Гражданского кодекса Российской Федерации без условий о прямолинейном изъятии финансовой автономии, презумпция добросовестности правообладателя должна сохранять силу. Кредиторам в процедуре несостоятельности следует опровергать упомянутую презумпцию путем предъявления прямых доказательств внедоговорного вмешательства.

Правовая основа Малайзии представляет собой детализированную модель регулирования концессионных сетей. Закон о франчайзинге Малайзии 1998 года (Franchise Act 1998, Act 590) устанавливает жесткий императивный режим функционирования рынка. H. S. Wong анализирует проблемы незарегистрированного франчайзинга в Малайзии, отмечая, что законодатель сурово карает правообладателей, пытающихся вести бизнес в обход официального реестра Registrar of Franchises [5]. Малайзийский подход характеризуется детальной проработкой стандартных условий контракта, включая законодательно установленный минимальный срок договора (не менее 5 лет) и ограничения на размер роялти.

Законодательство Малайзии прямо защищает пользователя от произвола владельца бренда. Если франчайзер в Малайзии пытается расторгнуть договор досрочно без законных оснований или вмешивается в оперативные решения, не предусмотренные зарегистрированным описанием франшизы, квалификация таких действий становится сугубо противоправной. В случае ликвидации или банкротства малазийского франчайзи, вызванного неправомерными действиями зарегистрированного правообладателя, малайзийские суды активно применяют механизмы возмещения вреда и компенсации долгов за счет головной структуры.

Сравнение нормативного массива Малайзии и положений главы 54 Гражданского кодекса РФ демонстрирует принципиальную разницу подходов к свободе договора. Российское гражданское право, опираясь на статью 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, предоставляет сторонам максимальную усмотрительную свободу при конструировании концессионных условий. Подобный подход создает пространство для включения кабальных условий, когда франчайзер полностью связывает руки пользователю. Впоследствии, при банкротстве последнего, предоставленная автономия обращается против правообладателя, становясь уликой его контролирующего статуса по смыслу статьи 61.10 Закона о банкротстве.

Подразумеваем, что чрезмерная гибкость российского диспозитивного регулирования концессий создаёт нормативную ловушку для добросовестных участников оборота. Желая максимально защитить репутацию бренда и качество товара (что соответствует статье 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации), правообладатель насыщает договор многочисленными согласованиями и запретами. При наступлении банкротства пользователя конкурсный управляющий трактует подобные пункты как доказательство существования «теневого директора», требуя возложения субсидиарной ответственности за непогашенные долги перед банками и налоговыми органами.

Защита репутационного капитала сети выступает легитимным коммерческим интересом. L. Sixkiller, C. A. Mair на материалах современной судебной практики США и стран общего права наглядно показывают, что исполнение договорных условий и жесткое принуждение к соблюдению стандартов сами по себе не образуют оснований для ответственности франчайзера [6]. Американская судебная доктрина строго разделяет контроль над качеством продукта и контроль над оперативными деталями коммерческой деятельности. Лишь проникновение во второй сегмент влечет риски привлечения правообладателя к ответственности за действия франчайзи.

Разделение сфер контроля, предложенное зарубежной доктриной, обладает высокой ценностью для отечественной арбитражной практики. Когда правообладатель проверяет чистоту в зале, соблюдение форменной одежды или соответствие ингредиентов технологической карте, происходит реализация прав по договору коммерческой концессии. Названные действия направлены на охрану ценности нематериального актива. Если же франчайзер начинает диктовать, кому из кредиторов платить в первую очередь, заставляет брать займы у подконтрольных структур или запрещает выплачивать зарплату сотрудникам, имеет место переход границы.

Допускаем, что в российской практике доказательством подобного перехода служит анализ финансовых потоков и переписки сторон. Если судом будет установлено, что исполнительный орган франчайзи полностью утратил самостоятельность и согласовывал каждый платежный документ с менеджментом правообладателя, квалификация франчайзера как контролирующего должника лица по статьям 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве становится неизбежной. В подобной ситуации бремя субсидиарной ответственности выступает адекватным мерилом за разрушение самостоятельности должника.

Заботясь об устойчивости сети, правообладатели нередко прибегают к предоставлению финансовой помощи тонущим пользователям. Выдача займов, отсрочка уплаты роялти или по-

ставка товара с рассрочкой платежа рассматриваются как разумные шаги по спасению бизнеса. Однако при банкротстве франчайзи указанные действия оборачиваются против франчайзера. Независимые кредиторы требуют субординации (понижения очередности) требований правообладателя, ссылаясь на правовые позиции Президиума Верховного Суда РФ, изложенные в Обзоре от 29.01.2020.

Субординация требований контролирующих лиц опирается на идею о том, что предоставление компенсационного финансирования в условиях имущественного кризиса затягивает банкротство и увеличивает убытки сторонних кредиторов. Если франчайзер вместо подачи заявления о банкротстве должника продолжал накачивать пользователя займами, скрывая фактическую неплатежеспособность, притязания правообладателя подлежат удовлетворению лишь после полного расчета с обычными кредиторами. Данное положение создает значительные имущественные потери для владельца бренда.

Рассчитываем, что отечественная судебная практика выработает более взвешенный подход к компенсационному финансированию в концессионных сетях. Займы, предоставляемые франчайзером в начальном периоде работы коммерческой точки или во время временных макроэкономических шоков, не должны автоматически признаваться недобросовестными. Названные транзакции отражают нормальное желание сохранить целостность сетевой инфраструктуры, а не намерение причинить вред кредиторам по смыслу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Различия в правовых системах Индонезии, Малайзии и России наглядно демонстрируют эволюцию концессионного института. В Малайзии публичный контроль предваряет создание сети, снижая банкротные риски. В Индонезии гражданско-правовая концепция партнерства защищает автономию сторон. В России же основной центр тяжести смещен в фазу банкротного процесса, где арбитражные суды постфактум вынуждены решать вопрошающие задачи квалификации степени контроля.

Ожидаем, что развитие российского законодательства о коммерческой концессии пойдет по пути уточнения норм статьи 1027 и статьи 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации. Внесение законодательных уточнений о том, какие именно формы контроля качества не могут расцениваться как основания для квалификации лица в качестве контролирующего должника по Закону о банкротстве, снизит уровень судебного усмотрения и повысит инвестиционную привлекательность отечественного рынка.

Особую опасность для правообладателя представляют так называемые кабальные соглашения, содержащие санкции за минимальные отклонения от стандартов. Если штрафы за нарушение стандарта обслуживания превышают доходность франчайзи, они становятся инструментом изъятия всей прибыли должника. Конкурсный управляющий получает идеальные основания для оспаривания подобных сделок по статье 61.2 Закона о банкротстве как совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Предполагаем, что при оценке кабальности условий концессионного договора судам следует применять критерий разумной коммерческой дискреции. Правообладатель вправе устанавливать суровые санкции за действия, прямо подрывающие репутацию бренда (например, за продажу фальсифицированной продукции или грубое нарушение санитарных норм). Однако несоразмерные штрафы за мелкие формальные проступки должны квалифицироваться как злоупотребление правом по статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Проблема асимметрии информации также требует нормативного осмысления. В Малайзии и Индонезии правообладатель обязан раскрывать пользователю исчерпывающие данные о финансовом состоянии сети и рисках бизнес-модели до заключения договора. В РФ статья 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит столь детальных предписаний. Продажа нежизнеспособных моделей под видом успешной франшизы приводит к быстрому краху пользователя, после чего обманутые кредиторы пытаются взыскать убытки с недобросовестного продавца бренда.

Учитываем, что в случаях продажи заведомо нежизнеспособных бизнес-моделей квалификация франчайзера как контролирующего лица является полностью оправданной. Если владелец бренда создавал сеть исключительно ради сбора паушальных взносов, понимая неизбежность банкротства пользователей, действия франчайзера содержат признак намеренного причинения вреда. Статья 61.11 Закона о банкротстве в подобных обстоятельствах выступает справедливым правовым инструментарием возложения ответственности за недобросовестный бизнес.

Цифровизация концессионного бизнеса приносит новые вызовы. Использование единых ERP-систем, облачных сервисов и централизованных кассовых аппаратов дает франчайзеру техническую возможность отслеживать каждый шаг пользователя в режиме реального времени. Наличие доступа к финансовым метрикам должника интерпретируется конкурсными управляющими как полное владение информацией об объективном банкротстве.

Думаем, что сама по себе доступность цифровой аналитики не делает франчайзера контролирующим лицом. Владение информацией о финансовых трудностях партнера отражает технологический уровень современной торговли. Важно не то, знал ли франчайзер об убыт-

ках пользователя, а то, использовал ли правообладатель полученные сведения для совершения действий, ухудшивших положение кредиторов (например, изъятия выручки в обход банковских счетов).

Сравнительно-правовой анализ показывает, что правопорядок каждой страны ищет свой баланс между защитой сети и интересами кредиторов. Российская модель, опирающаяся на жесткие нормы банкротного права и диспозитивное регулирование главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, нуждается в доктринальной доработке. Баланс может быть достигнут только через четкое проведение грани между репутационным контролем и операционным директированием.

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что владелец франшизы не должен подлежать привлечению к субсидиарной ответственности по долгам пользователя при банкротстве последнего, если совершаемые действия не выходили за пределы охраны исключительных прав и защиты репутации сети. Опыт Индонезии и Малайзии демонстрирует эффективность превентивных нормативных механизмов, способных предотвратить злоупотребления до наступления неплатежеспособности. Российскому правопорядку целесообразно воспринять лучший зарубежный опыт, адаптировав полученные выводы к отечественной системе гражданско-правовых институтов.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[2] Elmore A. Franchise regulation for the fissured economy // George Washington Law Review. – 2018. – Vol. 86. – P. 907–965.

[3] Kristianto F., Gracia F. Franchising in the Form of Partnership // Indonesian Journal of International Law. – 2021. – Vol. 19. – P. 641–668.

[4] Pohan M. Conception of franchise agreement in protecting the legal interests of parties based on Indonesian civil law // International Journal Reglement & Society (IJRS). – 2020. – Vol. 1, no. 2. – P. 103–112.

[5] Wong H. S. Issues and challenges of unregistered franchise business: A Malaysian legal perspective // Studies of Applied Economics. – 2021. – Vol. 39, no. 4. – Art. 1120.

[6] Sixkiller L., Mair C. A. Managing Franchisor Risk Through the Enforcement of Contractual Terms and Provisions: An Analysis of Recent Case Law and Court Decisions // Franchise Law Journal. – 2024. – Vol. 43, no. 4. – P. 361–385.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated Jan. 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, with revisions dated June 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[2] Elmore A. Franchise regulation for the fissured economy // George Washington Law Review. – 2018. – Vol. 86. – P. 907–965.

[3] Kristianto F., Gracia F. Franchising in the Form of Partnership // Indonesian Journal of International Law. – 2021. – Vol. 19. – P. 641–668.

[4] Pohan M. Conception of franchise agreement in protecting the legal interests of parties based on Indonesian civil law // International Journal Reglement & Society (IJRS). – 2020. – Vol. 1, no. 2. – P. 103–112.

[5] Wong H. S. Issues and challenges of unregistered franchise business: A Malaysian legal perspective // Studies of Applied Economics. – 2021. – Vol. 39, no. 4. – Art. 1120.

[6] Sixkiller L., Mair C. A. Managing Franchisor Risk Through the Enforcement of Contractual Terms and Provisions: An Analysis of Recent Case Law and Court Decisions // Franchise Law Journal. – 2024. – Vol. 43, no. 4. – P. 361–385.